

УДК 343.62
ББК 67.408

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Е. Г. Быкова

Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева (Екатеринбург, Россия)

Аннотация: В статье представлены результаты анализа постановлений о прекращении уголовных дел в 2024 и 2025 годах по фактам самоубийств несовершеннолетних, а также судебных актов по уголовным делам о доведении этих лиц до самоубийства. Установлено, что мотивы некриминальных суицидов различны, начиная от проблем в семье, заканчивая переживаниями по поводу собственной значимости в жизни иных лиц. Рассмотрена проблема квалификации самоубийств малолетних, которые подверглись сексуальному насилию. При латентности таких преступлений самоубийство несовершеннолетнего спустя длительное время после их совершения может быть ошибочно оценено как некриминальный суицид. Уделено внимание вопросу о минимальном возрасте несовершеннолетнего потерпевшего от доведения до самоубийства, склонения или содействия самоубийству. Исследована проблема разграничения доведения до самоубийства несовершеннолетнего и убийства малолетнего. Сформулировано авторское видение правовой оценки криминальных суицидов несовершеннолетних.

Ключевые слова: самоубийство, несовершеннолетний, доведение до самоубийства, причинная связь, убийство малолетнего.

SOME PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT SUICIDE OF A MINOR

E. G. Bykova

*Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
(Yekaterinburg, Russia)*

Annotation: The article presents the results of an analysis of the decisions on the termination of criminal cases in 2024 and 2025 on the facts of suicide of minors, as well as judicial acts in criminal cases on driving these persons to suicide. It has been established that the motives of non-criminal suicides vary, ranging from family problems to worries about their own importance in the lives of others. The problem of qualifying suicides of minors who have been sexually abused is considered. Given the latency of such crimes, the suicide of a minor long after they were committed may be mistakenly assessed as non-criminal suicide. Attention is paid to the issue of the minimum age of a minor victim from suicide, persuasion or assistance to suicide. The problem of distinguishing between suicide of a minor and murder of a minor is investigated. The author's vision of the legal assessment of juvenile criminal suicides is formulated.

Keywords: suicide, minor, suicidal behavior, causation, murder of a minor.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.20](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.20)

В России наблюдается тревожная тенденция по увеличению количества самоубийств и попыток самоубийств несовершеннолетних [1, с. 73–74]. Обнаружение трупа ребенка всегда вызывает общественный резонанс. Для установления обстоятельств таких происшествий в подавляющем большинстве случаев незамедлительно возбуждаются уголовные дела [2], которые подлежат прекращению, если не подтвердилось криминальное воздействие на ребенка.

Анализ 52 вынесенных в 2024–2025 годах постановлений о прекращении уголовных дел по фактам завершенных суицидов несовершеннолетних показывает, что процессуальные решения принимались в связи с отсутствием события преступлений, предусмотренных ст. 105, ч. 4 ст. 111, ст. 109, 110, 110¹,

110² УК РФ [3]. Представленное разнообразие статей особенной части уголовного закона неслучайно. В условиях неочевидности основными версиями (помимо несчастного случая) являются совершение в отношении ребенка умышленного или неосторожного преступления, инсценировка некриминального события для сокрытия указанных общественно опасных деяний.

Мотивы принятия несовершеннолетними решений о самоубийстве разнообразны и не всегда обусловлены преступными посягательствами на этих лиц. Так, изученные процессуальные решения показывают, что поводом для самоубийства несовершеннолетнего становились конфликты в семье, переживания в связи со смертью близких, нежелание выполнять семейно-бытовые обязанности, неудачи в общении с противоположным полом, неудовлетворенность своим внешним видом, одиночество, недовольство учёбой и иными жизненными событиями, например, неспособностью защитить свою девушку, ставшую жертвой изнасилования. Из некоторых изученных документов не удалось понять мотив самоубийства.

При анализе постановлений о прекращении уголовных дел отмечено, что иногда трагической гибели несовершеннолетнего предшествовали его беседы с близкими, в ходе которых он рассуждал о теме смерти и самоубийства, что в ряде случаев воспринималось адресатами как неудачная шутка. Это были «тревожные звоночки», своевременная адекватная реакция на которые возможно предотвратила бы трагедию, поскольку «принятие человеком решения лишиться себя жизни обуславливается комплексом факторов в затянувшейся ситуации психотравмирующего характера при отсутствии понимания и поддержки со стороны окружающих» [4, с. 222].

Часто самоубийству предшествовали незавершенные попытки суицида. В литературе по этому поводу неоднократно высказывалась мысль, что из-за недооценки серьезности подобных ситуаций со стороны близких несовершеннолетнего, сотрудников образовательных организаций теряется возможность корректировать поведение ребенка и предупреждать суицид [5; 6, с. 109; 7, с. 402; 8, с. 146]. Данные упущения в отдельных случаях становятся причиной, по которой окружающие не замечают совершения в отношении ребенка противоправных действий.

К примеру, апелляционным определением Красноярского краевого суда от 12.03.2026 № 22–105/2026 подтверждена правильность квалификаций по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ деяний, совершаемых матерью и отчимом в отношении несовершеннолетней. Апелляция отметила, что девочка, будучи в переходном возрасте, испытывая трудности в освоении школьной программы, а также трудности в общении с родителями, обращалась за помощью к школьному психологу. Специалист в ходе работы с ней довела информацию о ее обращении до матери, сообщила о наличии у несовершеннолетней указанных проблем, после чего рекомендовала найти с ребенком контакт и настроить отношения. Однако мать и отчим линии своего поведения по отношению к подростку не изменили. Девочка совершила суицид [9]. В этом случае психолог недооценила происходившие в семье девочки события, что привело к трагедии.

Криминальные самоубийства латентны, поэтому важно тщательно исследовать все обстоятельства произошедшего. Рекомендуется изучать личные связи и отношения несовершеннолетнего, его эмоциональное состояние, данные о его времяпровождении в период, предшествующий суициду, особенности его поведения в этот период, мотивы принятого решения [10, с. 174].

Особого внимания требуют случаи самоубийств подростков на фоне внутрисемейных конфликтов. Методы воспитания, соединенные с угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства ребенка, нуждаются в уголовно-правовой оценке. Так, апелляционным определением Московского городского суда от 08.09.2025 № 10–16456/2025 оставлен без изменения обвинительный приговор по п. «а», «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ в отношении отца и мачехи несовершеннолетнего, которые пытались воспитать «идеального» ребенка. Они принуждали мальчика к беспрекословному подчинению, постоянно контролировали его, запрещали общаться с друзьями, а также с родственниками умершей матери, потерю которой он тяжело переживал. Было доказано, что в отношении ребенка в основном применялось психическое насилие, которое выражалось в форме оскорблений, высмеивания ребенка, унижении его человеческого достоинства, демонстрации нелюбви, неприязни к ребенку, предъявлении к нему требований, не соответствующих его возрастным возможностям [9].

В литературе справедливо отмечается, что «закон вмешивается в отношения по охране интересов самоубийц только тогда, когда инициатива на суицид принадлежит не самому потерпевшему, а третьим лицам» [8, с. 144]. Поэтому если причиной принятия несовершеннолетним решения о самоубийстве стало совершение в отношении него преступления, возникает необходимость квалификации таких деяний, как правило, по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Существует множество проблем применения этой нормы уголовного закона.

Сложность квалификации криминального суицида несовершеннолетнего обусловлена необходимостью правильного установления причинно-следственной связи между преступными действиями и решением подростка о лишении себя жизни. К примеру, ошибки в этой части допускаются несмотря на достаточное количество рекомендаций о разграничении доведения до самоубийства и насильственных половых преступлений, последствием которых является самоубийство потерпевшего [11, с. 105; 12, с. 267].

Так, апелляционным определением Верховного суда Республики Татарстан от 24.05.2022 № 22–2875/2022 отменен приговор в отношении Г., осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ за доведение несовершеннолетней племянницы Д. до покушения на самоубийство. Решение принято ввиду отсутствия доказательств совершения Г. этого преступления. Судом первой инстанции установлено, что Д. ранее предпринимала попытку самоубийства, в связи с чем ей оказана психиатрическая помощь. О фактах угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства со стороны Г. потерпевшая никому не сообщала. В своих показаниях она объяснила решение совершить самоубийство тем, что не хотела своим присутствием мешать бабушке и дяде, который ей сказал однажды, что, если ей не нравится, то она может уйти, при этом он ее не ругал, конфликтов, ссор не было. Однако, согласно заключению эксперта от 17.02.2021, у Д. обнаружены признаки посттравматического стрессового расстройства со сверхценными идеями самообвинения на фоне органического астенического (эмоционально лабильного) расстройства (F 43.1, F 06 по МКБ-10). Это расстройство сопровождается суицидальными мыслями и попытками. Указанное расстройство имеет причинно-следственную связь и обусловлено действиями Г., исходя из показаний подэкспертной. Анализируя указанные доказательства, апелляция отметила, что в материалах уголовного дела имеется приговор, из которого следует, что в отношении Д. в период с 2010–2016 ее отцом были совершены шесть преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. По заключению судебно-психиатрической экспертизы от 10.01.2018 у Д. обнаружены те же признаки органического астенического (эмоционально лабильного) расстройства (F 6 по МКБ-10). Имеющиеся противоречия при рассмотрении судом уголовного дела по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, не устранены [9]. Нужно отметить, что согласно сведениям в ГАС «Правосудие» это уголовное дело возвращено прокурору.

Приведенный пример подтверждает тезис Н. В. Тыдыковой о том, что между совершением насильственного полового преступления в отношении малолетней и самоубийством, мотивом которого стали переживания по этому поводу, может пройти значительное время. Автор отмечает, что на момент совершения деяния потерпевшая не понимала характера совершаемых с ней действий, однако «по мере взросления, получения дополнительной информации о таких действиях понимание их характера и значения могло произойти несколько позднее и вызвать негативные переживания, которые стали причиной покушения на самоубийство» [13, с. 251].

Разделяя мнение Н. В. Тыдыковой, следует подчеркнуть, что в прецеденте с отменой приговора по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ факт совершения насильственного полового преступления в отношении малолетней Д. подтвержден. Однако в ситуациях, когда о посягательстве на половую свободу малолетнего неизвестно, самоубийство ребенка спустя длительное время (когда следов физического контакта уже не осталось) может быть ошибочно расценено как некриминальный суицид.

В условиях дефицита информации важно не допустить ошибку при оценке самоубийства несовершеннолетнего. Примечателен пример. Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 01.02.2024 № 22–15/2024 и кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 № 77–30/2025 оставлен без изменения приговор, которым М. осуждена по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ за доведение до самоубийства своего несовершеннолетнего

сына М. В. Судом установлено, что М. вместе с М. В. снимали комнату в квартире. М. злоупотребляла спиртным и вела асоциальный образ жизни, периодически оставляя ребенка одного на несколько дней. М. часто ругала, оскорбляла и унижала мальчика. М. В. был замкнутым, ему не хватало общения с матерью. М. не занималась его воспитанием, ребенок не посещал школу, поскольку у него не было одежды по сезону. В один из дней М. вновь применила к М. В. физическую силу и оскорбляла его. Свидетели слышали слова М. В., обращенные к матери, с просьбой не подходить к нему и предупреждение о том, что в случае, если она возьмет ремень, он выпрыгнет из окна. На это М. ответила «Ну, прыгай», после чего мальчик реализовал намерение. От полученных травм он скончался на месте происшествия. При осмотре трупа были обнаружены следы совершения в отношении М. В. насильственного полового преступления незадолго до его самоубийства. По этому факту в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. При этом эксперт пояснил, что дать ответ о наличии причинно-следственной связи между действиями М. и самоубийством М. В. не представляется возможным, но условия, в которых это произошло, не могли не оказать влияния [9].

Приведенный пример иллюстрирует целый комплекс проблем. Так, отсутствует однозначный экспертный вывод о том, что М. В. принял решение о самоубийстве только ввиду сложных отношений с матерью. В литературе по этому поводу отмечается, что установить такую причинно-следственную связь возможно далеко не всегда ввиду недостаточности материалов уголовного дела, а также особенностей самого психического состояния подэкспертного (к примеру, при реактивных депрессиях такую связь определить возможно, а при эндогенных — затруднительно) [14, с. 38].

Триггером для самоубийства М. В. могло стать как пережитое (возможно, не единожды) сексуальное насилие, так и взаимоотношения с матерью. С точки зрения А. А. Иванова, если при жестоким обращении или систематическом унижении малолетнего виновный требует от ребенка совершить суицид, доведение до самоубийства перерастает в квалифицированное убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) при доказанности осознания виновным того, что потерпевший в силу различных причин, например, обмана, не понимал в конкретной ситуации опасность предлагаемого ему суицидального поведения [15]. Поддерживая это мнение, нужно заметить, что по делу М. идея выпрыгнуть из окна изначально была озвучена ребенком, мать лишь поддержала ее соответствующей репликой, поэтому не видится оснований для оценки ее действий как убийства малолетнего.

Еще одна сложность квалификации криминального суицида несовершеннолетнего обусловлена проблемой определения минимального возраста потерпевшего по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Это порождает научную дискуссию о разграничении доведения до самоубийства и убийства малолетнего.

Правоведы отмечают, что «имманентным признаком самоубийства является осознанное лишение человеком себя жизни» [16, с. 352]. При криминальном суициде человек решается на лишение себя жизни намеренно, самостоятельно, но не по собственной воле, а в связи с принуждением [17, с. 14]. Поэтому возникает вопрос, с какого возраста ребенок способен принять осознанное решение о самоубийстве.

Согласно позиции, обозначенной в п. 26 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023, при квалификации убийства по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ нужно учитывать, что малолетнее лицо находится в беспомощном состоянии в силу своего возраста [9]. Поэтому не вызывает сомнений обоснованность обвинительного приговора Верховного суда Республики Башкортостан от 26.08.2011 по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в отношении С., напоившей свою малолетнюю дочь чаем, в который была подмешана суточная доза препарата «Азалептин». Смерть ребенка не наступила по независящим от С. обстоятельствам [9]. Видится верной подтвержденная апелляционным определением Верховного Суда РФ от 24.09.2019 № 1-АП/У 19–19 правовая оценка действий Д. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Она добавила в кашу поваренную соль в количестве, превышающем смертельную дозу, и начала кормить своего малолетнего сына. После употребления двух ложек смеси, состоящей преимущественно из соли, ребенок заплакал и отказывался от приема пищи, но Д. с применением физической силы продолжила кормление. Когда мальчик принудительно съел еще несколько ложек смеси, его состояние резко ухудшилось, он потерял сознание и после доставления в больницу умер [9]. В обоих случаях дети не могли оказать сопротивления

в силу физического превосходства их матерей, не понимали характера совершаемых с ними действий, и в силу малолетства в принципе не могли принять какого-либо осознанного решения. Во втором случае отказ ребенка от соленой пищи был обусловлен физиологическими причинами.

Следует присоединиться к мнению авторов о том, что в составах преступлений, предусмотренных ст. 110, 110¹ УК РФ, под беспомощным состоянием может пониматься только физическая беспомощность, когда потерпевший не способен оказать сопротивление виновному, но при этом осознанно лишает себя жизни [18; 19, с. 19; 20, с. 44], поэтому «необходимо объективно оценивать условия, при которых совершено преступление, уровень психического развития потерпевшего, иные причины, ограничивающие его возможность осознавать фактический характер совершаемых с ним действий» [17, с. 112].

Вызывает сомнение утверждение Т.Н. Нуркаевой и М.А. Артамоновой о том, что «верхняя возрастная граница, при которой малолетний не способен должным образом понимать характер и значение совершаемых с ним действий, провоцирующих его на совершение суицида, не должна быть менее 14 лет». По их мнению, доведение до самоубийства, склонение или содействие самоубийству лица, не достигшего этого возраста, следует квалифицировать как убийство малолетнего [21, с. 89]. Эта точка зрения не в полной мере коррелирует с положениями ч. 2 ст. 33 УК РФ. К тому же в литературе можно встретить разную нижнюю возрастную границу суицидентов: 15 лет [8, с. 144], 12 лет [6, с. 107], 9 лет [22, с. 239].

При изучении постановлений о прекращении уголовного дела встретился случай, когда в сентябре 2025 года семилетний ребенок попытался лишить себя жизни. Его удалось спасти. При допросе ребенок пояснил, что на него часто ругается классный руководитель, потому что он не может читать и писать. На вопрос следователя о том, почему он попал в больницу, ребенок ответил, что не помнит. Мама сказала ему, что он просто заболел. Что было до этого, вспомнить не смог [3]. В процессуальном документе отмечено, что не установлено признаков доведения несовершеннолетнего до самоубийства, его склонения к этому или содействия его самоубийству. Ввиду краткости изложения обстоятельств неясно, как ребенок мог самостоятельно додуматься до такой кардинальной меры и где он получил знания об избранном им способе самоповреждения. Показания малолетнего свидетельствуют о том, что он не осознавал опасности происходящего. Это наводит на мысль, что при установлении недоумившего ребенка на такой поступок «идейного вдохновителя» действия последнего при наличии оснований могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В завершение следует отметить, что несовершеннолетних побуждают к самоубийствам разные внешние и внутренние причины. Правовая оценка незавершенного или завершенного суицида требуется в случаях, когда решение принято детьми в результате совершения в отношении них преступлений. Специфика квалификации смерти несовершеннолетнего по п. «а» ч. 2 ст. 110, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ (помимо установления составообразующих признаков) заключается в определении в отношении потерпевшего его способности с учетом возраста самостоятельно и осознанно принять решение о лишении себя жизни и вероятной причины такого поступка. Для этого желательно назначать судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Следует учитывать, что ее результативность во многом зависит от объема представленных для исследования материалов уголовного дела.

В случае, когда при лишении себя жизни несовершеннолетний не осознавал характера совершаемых с собой действий, содеянное посягающим на личность ребенка следует оценивать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего (если ребенок не достиг четырнадцатилетнего возраста) или как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии (если несовершеннолетний не понимал значения своих действий по самоповреждению).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году. Москва, 2025. 277 с.

2. В Следственном комитете Российской Федерации состоялось оперативное совещание по вопросам принятия процессуальных решений о прекращении уголовных дел (24.03.2026) // URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/2072455/> (дата обращения: 30.05.2026).

3. Архив Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

4. Шапиро А. Г., Гвоздева И. С., Южанинова А. Л. Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 110, 110¹ и 110² УК РФ, как эффективное средство их предупреждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 217–223.

5. Вазюлин С. А., Старжинская А. Н. Противодействие призывам к самоубийствам несовершеннолетних в информационном пространстве: проблемы квалификации и профилактики // Российский следователь. 2019. № 9. С. 63–66. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Вакуленко Н. А., Ткачева А. С. Особенности личности несовершеннолетнего, доведенного до самоубийства в виртуальной среде // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 103–110.

7. Книжникова С. В. Представления родителей о самоубийствах и запросы на повышение осведомленности в сфере профилактики суицидального поведения детей // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 3 (116). С. 400–420.

8. Пашенко Е. А. Нравственность и уголовный закон в криминализации действий субъекта преступного ассистирования самоубийству // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 143–147.

9. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

10. Ильин Н. Н. Особенности следственного осмотра по делам о доведении до самоубийства несовершеннолетних с помощью сети Интернет // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6–2. С. 173–178.

11. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Разграничение склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства с другими преступлениями // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 6. С. 103–106.

12. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Уголовно-правовые особенности квалификации доведения до самоубийства в отношении несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 266–273.

13. Тыдыкова Н. В. Половые преступления: закон, теория, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с.

14. Сафуанов Ф. С., Секераж Т. Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7, № 2. С. 33–45.

15. Иванов А. Л. Особенности квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ) // Российский следователь. 2021. № 11. С. 59–62. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. Шарапов Р. Д., Смахтин Е. В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 349–357.

17. Старжинская А. Н. Доведение до самоубийства и причастность к самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 205 с.

18. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Филиппова С. В. Уголовно-правовая оценка склонения беспомощного лица к совершению самоубийства и содействия его совершению // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 17–23.

20. Шарапов Р.Д. Преступления против жизни: уголовно-правовые традиции и законодательные новации // Криминалистъ. 2019. № 4 (29). С. 40–45.
21. Нуркаева Т.Н., Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных с самоубийством // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 88–93.
22. Талан М.В., Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Виктимологическая характеристика преступлений, сопряженных с побуждением к суициду // Виктимология. 2024. Т. 11, № 2. С. 235–246.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Быкова Елена Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18, каб. 209, e-mail: nega83-03@mail.ru.